

УДК 93

КРЕСТЬЯНСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ
ЧЕРНОМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ (1919–1920 гг.):
ФОРМИРОВАНИЕ И БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Александр Арвелодович Черкасов,
доктор исторических наук, профессор
Сочинский государственный университет
354000, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская 26 а
E-mail: sochio03@rambler.ru

Анвар Мирзахматович Мамадалиев
кандидат педагогических наук, доцент
Сочинский государственный университет
354000, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская 26 а
E-mail: anvarm@mail.ru

В статье на основе историографического и архивного материала рассматривается история создания, деятельности и ликвидации Крестьянского ополчения Комитета освобождения Черноморской губернии – армии «третьей силы» в годы Гражданской войны.

Ключевые слова: Крестьянское ополчение, Комитет освобождения Черноморской губернии, Гражданская война, В.Н. Воронович.

История России на протяжении всего ее тысячелетнего пути имела свою особую драматургию, определившуюся завоевательными войнами и вражескими нашествиями, периодами смут и восстаний, временем экономического роста и застоя, духовными исканиями и реакцией. Не преувеличим, если выделим в этом ряду XX в., как один из наиболее ярких и трагичных, когда многие потери и приобретения сошлись на ограниченном историческом пространстве.

Этот век вместил ряд экономических скачков, три революции, разные типы политического устройства, ряд крупных поражений и убедительных военных побед, а также, пожалуй, самую кровавую в мировой истории Гражданскую войну в России в 1917–1922 гг. Именно в Гражданской войне наиболее ярко проявилось российское общество. В ходе противостояния в бескомпромиссной схватке столкнулись теоретические концепции общественного развития и политические программы, различные модели переустройства российского и мирового сообщества, партии и общественные движения.

С момента окончания Гражданской войны темой ее изучения занималось ни одно поколение историков. Продвигаясь вперед, обоб-

щая пройденные исторические ступени, историки вынуждены были отступать перед очередным, кажущимся неожиданным поворотом. Насколько российская история XX в. была богата переменами, настолько историография, посвященная Гражданской войне, была изменчива. Пишется это не в укор прошлым и настоящим поколениям историков, а с целью напомнить об особой общественной функции этой отрасли знаний, откуда каждое новое поколение граждан страны почему-то очень избирательно черпает так называемый «исторический опыт», предъявляя свой социальный заказ исследователям.

Именно поэтому тема Гражданской войны сегодня привлекает внимание многочисленных историков и публицистов. Несмотря на то, что тема стала изучаться еще в 1920-е гг., многие аспекты проблемы, находящиеся вне социального заказа, не стали предметом исторического осмысления. Лишь со второй половины 1980-х гг. начался новый этап исследования гражданского противостояния в России.

История Гражданской войны на Кубани и Черноморье уникальна. Она наложила отпечаток на все многочисленные события и изменения политического строя Кубано-Черноморского региона, в котором власть переходила от одной силы к другой несколько раз. Так, например, Сочинским и Туапсинским округами Черноморской губернии в 1917—1920 гг. владели (в хронологическом порядке) большевики, грузинские меньшевики, белогвардейцы, зеленоармейцы и вновь большевики. На протяжении этого периода времени гражданское противостояние здесь проявилось во всем своем многообразии: от пассивного сопротивления до захвата городов. В данной статье мы бы хотели уделить внимание боевым действиям вооруженных сил Комитета Освобождения Черноморской губернии – Крестьянского ополчения.

Получив постепенно опыт ведения партизанской войны против большевиков, а затем и против белогвардейцев, эсеры быстро распропагандировали свою идею третьей силы среди крестьянства Черноморья [1]. И уже 1 декабря 1919 г. (по нов. ст.) в Гаграх состоялся съезд крестьян Черноморья, решением которого был сформирован Комитет освобождения Черноморской губернии (КОЧГ) под председательством бывшего руководителя Уфимской директории В.Н. Самарина-Филипповского [2]. С самого начала тон политической деятельности КОЧГ задали эсеры и меньшевики, среди которых особо выделялись Я.Г. Цвангер, Ф.Д. Ковалев-Сорокин, И.И. Рябов (Бывший член Самарского правительства и член Учредительного собрания), В.А. Чайкин (Бывший комиссар Временного правительства в Туркестане, бывший член ЦК партии эсеров), Соколов и др. [3] Делегатами съезда была принята декларация, которая определила политическую платформу черноморских крестьян. В ней говорилось: «Мы вступили в борьбу с реакцией как самостоятельная третья сила — сила демократическая.

Мы не сложим оружия до полной победы демократии. Мы отвергаем всякую диктатуру меньшинства над большинством, от кого бы эта диктатура ни исходила и какими бы конечными лозунгами она ни прикрывалась. Мы противопоставляем ей диктатуру демократии, то есть всего народа. Лишь в революционном сознании и воле трудового народа, в его самодеятельности и инициативе мы видим путь спасения гибнущей революции. Всякая диктатура меньшинства есть насилие над народом и борьба с ним. Одновременно бороться с народом и звать его на борьбу преступно и бесполезно. И мы, делегатский съезд черноморского крестьянства, для того, чтобы придать нашей борьбе с реакцией организованные формы и общероссийское значение, впредь до воссоединения с Всероссийской федерацией, постановляем: поставить ближайшей целью борьбы образование Черноморской республики с установлением федеративной связи с другими демократическими государственными образованиями для совместной с ними борьбы против реакции и за конечные цели — Российскую Федеративную Республику, которую мы мыслим как свободный союз свободных народов. За народовластие и социальные завоевания революции. Выбрать Комитет освобождения Черноморской губернии, ответственный перед крестьянским съездом. Означенный Комитет осуществляет всю полноту власти на территории Черноморской губернии по мере ее освобождения впредь до созыва чрезвычайного съезда. При наступлении более благоприятных условий Комитет освобождения должен созвать чрезвычайный крестьянско-рабочий съезд, который окончательно решит судьбу черноморской демократии...» [4].

Объявив себя правительством Черноморской губернии, КОЧГ обратился к демократической Европе с протестом против помощи генералу Деникину и с предложением к большевикам отказаться от партийной диктатуры [5]. В процитированном документе хорошо представлена эсеро-меньшевистская позиция большинства крестьянства данного региона, в той или иной мере отвергающего радикализм как со стороны красных, так и со стороны белых.

Выступая с подобными обращениями, правительство КОЧГ осознавало, что никакая помощь армии Деникина уже спасти не сможет, а от диктатуры большевики ни при каких условиях не откажутся. Прекрасно понимая, что за Черноморье придется стоять с оружием в руках, КОЧГ создал свои вооруженные силы — Крестьянское ополчение (КО), которое возглавил ротмистр царской армии Николай Владимирович Воронич. В штаб ополчения помощниками командующего вошли Г. Учадзе (капитан царской армии, руководитель зеленого движения в районе Сочи и Дагомыса, член КОЧГ) и Рощенко (прапорщик артиллерии царской армии, руководитель крестьянского отряда селения Ахштырь, член КОЧГ), начальником штаба стал подъесаул Терского казачьего войска

М.Д. Томашевский, его помощником — И.Б. Шевцов, начальником службы связи — поручик Михлин, командирами батальонов (дружин) — Дзидзигури, штабс-капитан Е.С. Казанский, подпоручик Скобелев, бывший офицер особого батальона Грузинской народной гвардии [6]. Знаменем Крестьянского ополчения стал красный флаг, перечеркнутый зеленым крестом [7], а государственной эмблемой — вензель из двух букв «КО», что означало Комитет освобождения.

В основу организации ополчения был положен проект народной милиции, т.е., воинских частей, укомплектованных по территориальному принципу.

Сочинский округ был разбит на двенадцать районов (волостей). В каждом районе на делегатском собрании представителей входящих в район селений был избран районный штаб Крестьянского ополчения из трех местных жителей, пользовавшихся безусловным авторитетом, по преимуществу бывших солдат. Функции районных штабов заключались в учете мужского населения от 20 до 45 лет, в учете лошадей, повозок, имевшегося на руках у крестьян оружия и патронов. После производства такого учета при каждом районном штабе было сформировано по две роты — первой и второй очереди. В первоочередную роту были зачислены крестьяне молодых возрастов, у которых имелось на руках огнестрельное оружие, во второочередную роту — пожилые и безоружные. Все районные штабы были подчинены Главному штабу Крестьянского ополчения, от каждого района в него вошло по одному представителю. Главный штаб состоял из отделов: строевого (полевой — оперативный штаб), формирования, ведавшего комплектованием и обучением резервов, и снабжения (с интендантским и артиллерийским подотделами) [8].

В короткий срок Грузия предоставила ополчению вооружение, снабжение, питание и денежные средства. Штабные должности были заняты бывшими офицерами царской армии, по тем или иным причинам оказавшимися на территории Грузинской демократической республики.

На начальном этапе, к концу 1919 г., в состав КО вошли отряд Рощенко, дружины Скобелева, Е.С. Казанского, Дзидзигури, аибгинский отряд, ахштырская рота, десантная группа [9] и охотничья команда Гвасалия (всего около 740 штыков при пяти пулеметах) [10]. Основу их составили ушедшие из Сочи в ходе апрельского восстания в Грузию ахштырцы, волковцы, пластунцы, а также перешедшие в КО 50 бывших красноармейцев и 70 грузинских меньшевиков. Ополченцы были экипированы в английскую униформу, и им были выданы английские винтовки. Помимо этого, по селам Сочинского округа было зарегистрировано до 2 тыс. бойцов-крестьян [11], что в целом составляло внушительную группировку восставших.

Однако, слабой стороной восставших было их вооружение. Во всех частях Крестьянского ополчения насчитывалось всего 300 трехлинейных винтовок Мосина калибра 7,62 мм, 300 винтовок Бердана № 1 и 400 дробовых охотничьих ружей [12]. Таким образом, оружия хватало, примерно, на 40 % личного состава.

По своему национальному и социальному положению Крестьянское ополчение было таково: грузины (дружина Дзидзигури и охотники Гвасалия); русские - крестьяне-середняки, укрывавшиеся от деникинских мобилизаций и возмездия в Грузии (отряд Роценко, ахштырская рота и часть кудепстан-блехнинцев); русские, бывшие красноармейцы Северо-Кавказской Красной армии (дружина Казанского и часть дружины Скобелева); русские – крестьяне-бедняки и военспецы (десантная группа и часть дружины Скобелева) [13]. Таким образом, в КО были представлены две основные национальности — русские и грузины. Состав ополчения отражает сложность завязавшегося в данном регионе узла переплетающихся социальных и национальных противоречий.

Подразделениям КО противостояла 52-я отдельная бригада Добровольческой армии (шесть батальонов при 8 орудиях и 20 пулеметах) [14], а также расквартированный в Сочи армянский батальон и три комендантские роты [15]. При подобном соотношении сил успех мог быть гарантирован только при условии внезапного нападения, если бы ни одно обстоятельство: передовые части бригады состояли почти исключительно из пленных красноармейцев и имели уже в прошлом (лето 1919 г.) мятеж с убийством офицеров и переходом к большевикам. Генерал Деникин отмечал: «Предполагалось, что на пассивном грузинском фронте эти части, приведенные в порядок, устоят» [16].

Информация о продвижении Крестьянского ополчения к Сочинскому округу была воспринята большей частью населения благоприятно. Так, например, в конце января 1920 г. крестьяне Кудепсты, Адлера, Хосты, руководимые меньшевиками и эсерами П.П. Блехниным, Верхоярным и Васильевым, собрали на Широким покосе общее собрание крестьян, подлежащих мобилизации в деникинскую армию (примерно 300 человек). Решением собрания был сформирован сводный батальон, командиром которого был избран Васильев; командиром 1-й роты — П.П. Блехнин, командиром 2-й роты — Г.И. Громадский, бывший старшина волости; начальником штаба — Федулов, бывший управляющий имением; его помощником — Верхоярный [17].

Партизанский штаб, находившийся в то время в селении Каштаны, приказал двум ротам выступать в ночь на 28 января из селения Каштаны и одной роте — из Нижней Николаевки, чтобы общим ударом выбить деникинцев из Хосты. 1-я рота должна была захватить

склад с оружием, находившийся у моста через реку Хоста; 2-я рота — разоружить пост белогвардейцев на бывшей даче Ляминой; 3-я рота — выполнить особую задачу. После освобождения Хосты от деникинцев намечалось нанести удар по Сочи.

Рота Блохнина состояла из кудепстян. В роту Г.И. Громадского вошли: 1-й взвод — Воронцовско-Хостинский партизанский отряд под командованием Н.М. Барибана; 2-й взвод — каштановцы под командованием Вихрова; 3-й взвод — все безоружные, командир — П. Овчаренко. Штабом сводного батальона были разработаны и утверждены планы общего январского восстания в Сочинском округе. Согласно этим разработкам, партизанские отряды Красной Поляны и Медоуевки должны были захватить Адлер, воронцовцы, хостинцы и кудепстяне — Хосту, а затем двинуться на Мацесту и Сочи, где их должны были поддержать пластунцы, навагинцы и ажековцы. Регулярные же части КОЧГ под командованием Г. Учадзе должны были атаковать на р. Псоу передовые позиции белых, в то время как Рощенко с двумя ротами по плану должен был осуществить глубокий обход позиций белогвардейцев с целью выхода в тыл обороняющимся [18]. Десантной группе была поставлена задача: морем достичь Адлера — Хосты и произвести в тылу белых как можно больше шума. Для достижения этой задачи группе из 13 человек были предоставлены на вооружение 1 пулемет Кольта, 14 винтовок, 2 револьвера, боеприпасы, ящик с пироксилином [19].

В ночь с 27 на 28 января началось восстание [20]. Перед рассветом партизанские отряды Зеленой армии практически вплотную подошли к деникинским гарнизонам и атаковали их. Эта почти одновременная атака партизан Адлера, Мацесты, Дагомыса, Мамайки и окраин города Сочи, а также нарушение связи между гарнизонами, внесли панику в уже деморализованные части белогвардейцев и обеспечили партизанам победу с небольшими потерями. В Адлере, Хосте и Дагомысе, где стояли крупные гарнизоны войск, партизанами было взято значительное количество пленных, оружия, продовольствия и другого имущества. В бою за Агуру партизаны захватили артиллерийское орудие вместе с боеприпасами, развернули его в сторону отступающих и произвели несколько выстрелов, чем усилили панику среди белогвардейцев.

5 февраля 1920 г. тифлисская газета «Борьба» сообщала противоречивые сведения: «У восставших царит полнейший порядок... Восставшими захвачены 1 батарея, 20 пулеметов, огромное количество патронов, одежды и обоз» [21].

К утру 30 января 1920 г. партизанские отряды зеленоармейцев полностью овладели следующими населенными пунктами: Молдовкой, Адлером, Кудепстой, Хостой [22], Агурой, Лоо, Дагомысом и вплотную

подошли к Сочи. На грузинском фронте Крестьянскому ополчению также сопутствовал успех. Столкнувшись с передовыми батальонами Добрармии, бывшие дезертиры, как и следовало ожидать, не оказали сильного сопротивления: две роты сразу же перешли на сторону Комитета, а остальные предпочли спастись бегством [23]. Так и продолжалось наступление КО на Сочи. Осознав, что сопротивление оказываться не будет, зеленоармейцы походными колоннами и с песнями стали углубляться в территорию Сочинского округа.

Днем следующего дня ополчение проследовало по Хосте, а уже к вечеру вступило в бой на реке Мацесте с армянским батальоном. С прибытием ополчения в Сочинский округ сводный партизанский батальон Васильева влился в состав Крестьянского ополчения, его командир во время боев был убит по случайности самими же партизанами. Результатом первого широкомасштабного столкновения с белогвардейцами стал захват 600 пленных, 4 орудий, 12 пулеметов и 1 тыс. винтовок [24].

Тем не менее, не обошлось и без других потерь. На шоссе Адлер–Сочи разведка ополчения столкнулась с партизанской разведкой, в ходе перестрелки погиб один из партизан [25].

К 1 февраля КО подошло к селению Мацеста. Несмотря на пополнение, представленное двумя ротами хостинцев и неукомплектованной ротой перешедших на сторону ополчения белогвардейцев, в составе ополчения здесь насчитывалось всего 600 человек, т.к. первоочередные части, в том числе и обе роты Рощенко, находились на отдыхе. Противник же сосредоточил четыре батальона, сотню казаков и 4-орудийную горную батарею. В два часа дня 1 февраля начался усиленный обстрел позиций белогвардейцев, в то время как две роты хостинцев, произведя вновь обходной маневр в тыл, решили исход и этого боя. Бросив все орудия и несколько пулеметов, белогвардейцы отступили к Сочи [26].

В час ночи 3 февраля белые оставили и окружной центр — город Сочи был освобожден. Продвижение частей Крестьянского ополчения продолжалось, и в конце первой декады февраля ополчение, достигнув р. Шахе, приступило к завершающей операции по освобождению всего Сочинского округа. Белогвардейцы выступили с инициативой проведения переговоров, с целью урегулирования создавшегося на Черноморье положения. Для этого они предложили выслать делегатов в Новороссийск для подписания мирного соглашения. На переговоры, не предупредив председателя КОЧГ, отправился главком Крестьянского ополчения Н.В. Воронович. По телеграфу эта информация быстро достигла председателя КОЧГ Самарина-Филипповского, и на внеочередном заседании Комитета освобождения Воронович был снят с должности заведующего военным отделом и начальника Главного

штаба, а на его место был назначен Ф. Ковалев-Сорокин.

Вернувшись из Новороссийска в Сочи, Н.В. Воронович доложил о результатах своей поездки к белогвардейцам. Представитель генерала Деникина настаивал на безоговорочной капитуляции Крестьянского ополчения и давал срок для сдачи зеленоармейцев до утра 13 февраля. Обсудив доклад Н.В. Вороновича, Комитет освобождения вынес единогласное постановление о восстановлении тов. Вороновича во всех должностях, занимаемых им до поездки, а именно: в должности заведующего военным отделом и начальника Главного штаба [27].

Белогвардейцы на линии р. Шахе располагали значительными силами: офицерский батальон полковника Галкина, 10-й сводный полк, остатки 52-й пехотной бригады и армянский батальон полковника Чимишкианца. Общая численность белогвардейцев на р. Шахе составляла около 2 тыс. штыков и сабель при 7 орудиях, а командование этими частями осуществлял полковник Жуковский [28]. В свою очередь, фронтовые части Крестьянского ополчения насчитывали 1,3—1,4 тыс. человек, организационно сведенных в три батальона, при поддержке 1 орудия. Однако, дисциплина добровольцев уже была далеко не прежней. Например, отдельная сотня кубанских казаков была доставлена на фронт насильно, под конвоем офицерской роты и пулеметной команды [29].

Командование КО решило нанести удар по противнику в тот момент, когда истечет срок белогвардейского ультиматума. Тактика, задуманная Главным штабом и неоднократно им осуществляемая (приграничная и мацестинская операции), не изменилась, она предусматривала одновременный удар двух колонн с фронта и с тыла (или с фланга) по противнику. Для исполнения намеченного плана 12 февраля рота ополченцев вышла в тыл противнику, чтобы там взорвать железнодорожный и шоссейный мосты, перерезать телеграфную линию и в момент общего наступления войск ударить по белогвардейцам с тыла. В этот же день в 23 часа 1-й батальон Крестьянского ополчения выдвинулся в обход и к утру занял позиции на горном хребте, лежащем перпендикулярно к р. Шахе. Для атаки с фронта были задействованы 2-й и 3-й батальоны Крестьянского ополчения [30].

Утром 13 февраля началась операция на р. Шахе. В 11 часов 45 минут ополченцы с двух направлений предприняли одновременные атаки. Однако, огонь заблаговременно высланного на левый берег реки офицерского взвода 10-го стрелкового сибирского полка белогвардейцев остановил обходную дружину ополченцев. Увидев тяжелое положение обходной дружины, фронтальные части ополчения немедленно предприняли лобовую атаку противника. 1-я рота им. Карла Маркса под командованием тов. Постоялкина бросилась через шоссейный мост и стремительно захватила артиллерийскую батарею из трех горных ору-

дий со всей прислугой и ее командиром. Белогвардейцы отступили к селению Лазаревка, по дороге бросив обозы с военным имуществом [31]. Как отмечал «Бюллетень Комитета освобождения Черноморской губернии» от 15 февраля, «противник, сбитый фронтальной и фланговой атакой, в панике бросился бежать, пытаясь укрыться в лесу и по горам пробраться к Лазаревке. Пленных, приблизительно, насчитывалось около 200 казаков и солдат, много офицеров. Было взято 3 горных орудия в полной готовности, большой обоз, два вагона муки, много пулеметов.

Остальная добыча учету пока не поддается. Преследование разбежавшихся частей противника продолжается» [32].

Стремительный и хорошо организованный удар оказался настолько неожиданным для белогвардейцев, что они бросили свои позиции и поспешно отступили к Туапсе, оставив на поле боя 38 убитых солдат и 27 офицеров, потеряв 2 батареи, 12 пулеметов; 600 солдат и 45 офицеров попали в плен [33]. Офицерский батальон и часть 10-го сводного полка успели пробиться к линии железной дороги и отступить. Пластунская сотня подьесаула Базарова сдалась в полном составе, а армянский батальон, прижатый к скалам, был полностью разгромлен. Сводные части, как признавал впоследствии А.И. Деникин, не оказали почти никакого сопротивления: меньшая часть бежала, большая — выкинула флаг и перешла на сторону зеленоармейцев.

Общие потери КО в ходе операции составили 11 человек убитыми и ранеными [34]. Однако, эта потеря была с лихвой компенсирована, т.к. в Крестьянское ополчение вступили почти все солдаты Сальянского и Ширванского полков, среди которых было много бывших красноармейцев, а также лиц, насильственно мобилизованных Добровольческой армией.

Всего в ходе боевых операций с 28 января по 13 февраля 1920 г. ополчением было захвачено с боями 8 орудий, 33 пулемета, около 2 тыс. винтовок, более 1 млн патронов, около 2,2 тыс. пленных, в т.ч. 100 офицеров, большие склады обмундирования и обозы 2-х полков и армянского батальона. Сразу же образованной специальной следственной комиссией были проверены все офицеры и чины полицейской стражи из числа пленных на предмет участия их в экспедиционных (карательных) операциях на территории округа. Общее число потерь КО за указанный период составило 15 убитых и 35 раненых, в число которых входили и обмороженные во время перехода по снежным перевалам в ходе приграничной операции [35].

Таким образом, к 13 февраля 1920 г. войсками Крестьянского ополчения было завершено освобождение Сочинского округа от белогвардейцев. Комитет освобождения Черноморской губернии получил плац-

дарм для проведения своей внешней и внутренней политики, для организации уникального в период Гражданской войны крестьянского государства.

К 12 марта 1920 г. были созданы два фронта: Северный — под командованием Черникова и Приморский (он же Южный или Черноморский) — под командованием П.М. Моренец [36] и предприняты действия по разгрому белогвардейцев. Приморский фронт был объявлен главным, и на его формирование под Геленджик были направлены 2,5 тыс. штыков, усиленные артиллерийской батареей (4 орудия) и 25—30-ю пулеметами. В марте 1920 г. Приморский фронт продолжал усиливаться и к апрелю насчитывал 12 подразделений общей численностью более 7 тыс. человек. Основной его единицей была 1-я сводная Кубано-Черноморская дивизия под командованием Самсонова. В середине марта в ее состав входили 2 кавалерийских полка, пехотный полк, отдельная пулеметная рота, отдельный эскадрон для обслуживания штаба и ревтрибунала дивизии и рота связи [37]. Приморскому фронту только в Геленджике противостояли части белогвардейцев численностью до 3 тыс. штыков и сабель при поддержке 4 полевых и 2 дальнобойных судовых орудий. Тылы добровольческой группировки прикрывались двумя курсирующими по дороге Новороссийск — Геленджик броневиками [38].

В свою очередь, Северный фронт был объявлен второстепенным, и в сторону Кубани были выдвинуты всего 1,5 тыс. штыков при поддержке артиллерийской батареи и 37 пулеметов [39]. Все захваченное у белогвардейцев тяжелое вооружение в ходе освобождения Сочи было передано КАЧ и в основном поступило Северному и Южному фронтам. Северный и Южный фронты, представленные зелеными партизанами, перешли в наступление на Геленджик — Новороссийск.

В оперативной сводке от штаба действующей ЧКО (Черноморское Крестьянское ополчение) от 8 марта отмечалось:

«Приморский отряд. Наши наступающие части соединились с сильными группами советской “Зеленой Армии”, оперировавшей в районе Новороссийска.

Новороссийский район. Наши части вступили в огневую связь с частями противника. Из Новороссийска группы доносят о побеге из тюрьмы 500 арестантов, вооружившихся винтовками и пулеметами и поднявших там восстание. Суда флота открыли огонь по городу и окрестностям. Слышна сильная канонада. Между станциями Крымской и Ниже-Баканской части местных повстанцев пустили под откос бронепоезд противника» [40].

10 марта боевые действия проходили только на Северном фронте. Белогвардейцы пытались здесь наступать при поддержке огня бронепоезда, но контратакой зеленоармейских частей были отброшены, ос-

тавив на поле боя убитых [41].

15 марта командующий Северного фронта Черников телеграфировал в Туапсе начальнику Полевого штаба Фавицкому о прибытии в село Георгиевское 4 человек Майкопского отдела представителей 20 станиц — (Даховской, Каменомостной, Дагестанской, Кургинской, Севастопольской, Царской, Абадзеховской и др.) с предложением влиться в КАЧ в количестве 2,5 тыс. человек при 10 пулеметах [42].

В тот же день после шестичасового упорного боя при подавляющем превосходстве белогвардейцев в технике и живой силе КАЧ был взят г. Геленджик. Командующий Черноморским фронтом РККА по этому случаю издал приказ-приветствие: «От имени командарма Казанского и от своего имени красным бойцам, доказавшим противнику, что они не банды зеленых, как их рисовали черные генералы, а Красные стойкие войска, способные принять жестокий бой с противником...» [43]. Косвенно можно предполагать, что компромисс между красными войсками и зеленоармейцами носил временный характер. В приказе командующего Черноморским фронтом РККА сквозит ощущение того, что зеленоармейские войска поглощены частями РККА.

К этому времени от белогвардейцев была освобождена внушительная территория. В Черноморской губернии Красная армия Черноморья занимала территорию от Пиленково (между Адлером и Гагрой) до Кабардинки. В сторону Екатеринодара (с правого фланга) были освобождены станицы Абадзехская, Курджипская, Ширванская, Апшеронская, Хадыженская, Кабардинская, Тверская, Линейная, Абхазская и Горячий Ключ. Войска Комитета освобождения остановились в 30 верстах от Екатеринодара, в Новороссийском районе, дойдя до линии Геленджик — Кабардинка [44]. Таким образом, район деятельности КАЧ представляется весьма обширным, и без ее активной помощи зеленоармейцев Красная Армия не смогла бы быстро справиться с белогвардейцами.

Согласно оперативной сводке КАЧ, 16 марта в районе Кабардинки частями Красной армии Черноморья были захвачены автоброневики белогвардейцев [45]. История с захватом автоброневиков составляет основную часть операции в районе г. Геленджика. Бой изначально происходил с перевесом на стороне белогвардейцев — 4 тыс. против 1 тыс. партизан. В техническом оснащении преимуществом также обладали белогвардейцы, имевшие на вооружении броневики. В свою очередь зеленые располагали лишь одним горным орудием, вышедшим из строя после двух выстрелов. В ходе наступления белогвардейцев зеленым пришлось отступить, и в течение 2—3 суток положение отрядов было весьма тяжелым. После перегруппировки и подхода свежих зеленоармейских частей, партизаны перешли в наступление, про-

изводя диверсионные действия. И белогвардейцам, т.к. мосты на шоссе были разобраны, пришлось бросить свои броневики. В ходе боев за г. Геленджик зеленоармейцы понесли наиболее существенные боевые потери, составившие убитыми 60 человек, а ранеными — около 80 [46]. В ночь с 16 на 17 марта под натиском наступающей Красной армии белогвардейцами без боя был оставлен г. Екатеринодар.

20 марта продвижение частей КАЧ продолжалось. На майкопском направлении зеленоармейскими частями были заняты станицы Прусская, Дагестанская и Севастопольская, в станице Нефтяной к ним присоединилось 500 человек рабочих, вынесших постановление до конца бороться за установление Советской власти [47]. В Белореченском районе после упорного боя белогвардейцев с зелеными была занята станица Николенко, в которой захватили техническое имущество в количестве 10 грузовых и 3 легковых автомобилей, а также 150 пленных.

На екатеринодарском направлении, проведя бои с экспедиционным отрядом белогвардейцев в станице Саратовской, части КАЧ совместно с красными казаками выбили белых из станицы и преследовали врага, панически отступающего на Екатеринодар.

21 марта на майкопском направлении движение зеленоармейских частей продолжалось. Оперативная сводка от этого числа отмечала, что «восстание кубанских станиц разрастается, и атаман отдела вел переговоры с нашими силами о пропуске сил Добрармии на юг».

В Белореченском районе ополченцами была занята станица Тверская, где было захвачено много военного имущества, а также взяты в плен 23 офицера, из них 1 генерал и 2 полковника. На екатеринодарском направлении стало известно, что Екатеринодар оставлен Добрармией без боя в ночь с 16 на 17 марта, отступившие части противника концентрировались в районе Ильской и Северной [48].

23 марта в 5 часов дня Главным штабом было получено сообщение от Полевого штаба Красной армии Черноморья.

«Сегодня после упорного боя под Индюком наши части лихой контратакой отбросили наступающего со стороны Белореченской противника. Взято в плен более 500 офицеров и громадная военная добыча. Остатки противника спасаются бегством в сторону Ходыженской» [49].

24 марта 1920 г. Главным штабом по Черноморскому Крестьянско-рабочему ополчению был издан приказ № 16, в котором, в частности, отмечалось, что Рабоче-крестьянская Красная Армия заняла Екатеринодар, Майкоп, Армавир и Пятигорск. Таким образом, остатки Добровольческой армии были разрезаны на 2 группы: одна из них отступала на Новороссийск, другая пробивалась на Туапсе. Они передвигались с целью погрузиться на суда, стоящие на рейде в Черном мо-

ре, или пробиться по шоссе в Грузию. Под натиском отступающих добровольцев части Красной армии Черноморья оставили Туапсе и заняли фланкирующую этот город позицию. Станция Ходыженская, находящаяся в тылу противника, вновь была занята войсками КАЧ. Главный штаб в полном согласии с районными штабами решил ни в коем случае не пропускать деникинцев с оружием в руках через Сочинский округ, почему и объявил мобилизацию ополчения [50].

Таким образом, приказом № 16 в Сочинском округе было санкционировано начало мобилизации крестьян и рабочих в Крестьянское ополчение. В этот же день, 24 марта, приказом № 553 Главного штаба Черноморского Крестьянского ополчения было объявлено, что ввиду часто возникающих недоразумений Главный штаб доводит до сведения всех войсковых частей, учреждений, управлений и заведений, что автотехническая часть, управление порта с морскими перевозочными средствами и артиллерийский склад непосредственно подчинены отделу снабжения при Главном штабе, поэтому за всеми перевозочными средствами, а также по вопросам, касающимся мастерских, подлежит обращаться в отдел снабжения. Заведующим отдела снабжения Главного штаба КО был Ковалев-Сорокин [51].

Помимо распоряжений и приказов, командиры Крестьянского ополчения предпринимали и пропагандистские способы воздействия на солдат-ополченцев. Так, председатель Хостинского районного штаба КО П.П. Блохин обратился к солдатам Хостинского гарнизона с воззванием, которое было опубликовано в «Заре Черноморья» под названием «Товарищи солдаты Хостинского гарнизона!» [52].

В последние дни удержания белогвардейцами г. Новороссийска, который был захвачен частями КАЧ совместно с частями Рабоче-крестьянской Красной армии 27 марта 1920 г., резко активизировалось повстанчество внутри губернского центра. Так, для подготовки восстания и предотвращения попытки англичан вывезти армейское обмундирование и вооружение, в Новороссийск прибыл переодетый в форму полковника т. Алексеев. Однако, деятельность добровольческой контрразведки была весьма эффективной, практически сразу Алексеев был разоблачен, задержан и расстрелян. В это же время такая же участь постигла председателя подпольного комитета РКП(б) т. Тихонова [53].

22 марта активные боевые действия проходили на всех направлениях. На Новороссийском направлении белогвардейцы с трех сторон попытались начать наступление на Геленджик, но были с большими потерями отброшены контратакой ополченцев, в ходе боя были захвачены три пулемета и пленные. На екатеринодарском направлении в районе станицы Григорьевской зеленоармейцам сдался конный корпус донских казаков численностью 1,5 тыс. всадников при 15 орудиях

и 36 пулеметах. Станица Ново-дмитриевская в 30 верстах к юго-западу от Екатеринодара была очищена от офицерского полка, отступившего на станцию Афипскую. На армавирском направлении кубанская казачья армия белогвардейцев, отрезанная большевиками от Новороссийской группы Добрармии, пыталась прорваться к морю и наступала на город Туапсе. Оперативная сводка отмечала, что на этом направлении идут упорные бои. «Вечером получено донесение об установлении связи наступающей с севера Красной Армии с нашими частями» [54].

28 марта «Заря Черноморья» опубликовала последнее свое официальное сообщение с фронта: «Полевой Штаб Черноморского Ополчения Красной Армии от 26 марта. Разведчики передовых отрядов противника заняли ряд пунктов в 5-ти верстах от Туапсе. На нашу сторону перешло 74 казака полка Донского генерала Семилетова. Командир Черноморского Ополчения Н. Воронович» [55].

К этому времени общее количество пленных, захваченных Крестьянским ополчением и войсками Красной армии Черноморья, достигло своего пика — 27 тыс. человек. Среди них — около 1 тыс. офицеров [56].

Получив информацию о продвижении на Туапсе войск Кавказского побережья под командованием генерала Шкуро, командующий КАЧ Е.С. Казанский отдал приказ командующему фронтом Черникову с тремя батальонами (9 и 11-й) общей численностью в 1,2 тыс. человек при поддержке 4 полевых орудий [57] погрузиться в эшелон и срочно отступить через станицу Хадыженскую на Гойтхский перевал.

Эшелон, не дойдя до Хадыженской, был обстрелян и потерпел крушение. Под непрекращающимся обстрелом белогвардейцев часть бойцов в панике разбежалась с места крушения, и лишь около 600 человек отступили к Гойтхскому перевалу, заняв оборонительную позицию. Однако, деморализованные после крушения эшелона бойцы Черникова не смогли сдержать удара штурмовых частей войск Кавказского побережья, к тому же усиленных так называемыми «волками Шкуро». На боеспособность зеленоармейских частей повлияло и другое обстоятельство. Как только информация о решениях чрезвычайного фронтового съезда дошла до находившихся на фронте крестьянских батальонов Сочинского округа, все они отказались подчиняться новому РВС и поспешили в Сочи. На фронте, таким образом, остались только батальоны бывших белогвардейцев [58].

Командующий Центральным фронтом Черников снял свои сочинские части с выгодных оборонительных позиций на Гойтхском перевале и под знаменами КОЧГ двинулся к Майкопу [59]. Этим самым Центральный фронт открыл дорогу белогвардейцам на Туапсе, Новороссийск и даже в Грузию через Сочи — Адлер.

Заслуживает внимания и тот факт, что части Центрального фронта КАЧ под командованием Черникова, по свидетельству И.Б. Шевцова, в составе 1 тыс. штыков при 8 пулеметах и 2 горных орудиях, сосредоточенные под Майкопом, не произвели ни одного выстрела и без боя пропустили всю многотысячную белогвардейскую армию, отступающую из Майкопа под ударами Рабоче-крестьянской Красной армии [60]. Вся эта масса кавалерии и пехоты спокойно переправилась через Гойхтинский перевал, захватила порт и, обрушившись с тыла на части бывших зеленоармейцев, смяла их и захватила подходы к порту Новороссийск, где ее ожидали корабли Антанты.

Роль преследователей Кубанской армии выпала на долю 34-й пехотной дивизии РККА, которая наступала с боями от Волги до Майкопа. В ходе практически непрерывных боевых действий части этой дивизии были сильно обескровлены. Так, например, в 306-м полку вместо 3,2 тыс. штыков по штату числилось всего около 300 человек. Примерно такое же количество пехоты было и в других полках дивизии. В помощь 34-й дивизии из 1-й Конной армии вскоре была выделена конная бригада под командованием Левды [61].

Преследуя отходящих деникинцев, 306-й полк 34-й стрелковой дивизии к 1 апреля 1920 г. занял станицу Хадыжинскую. На ее окраинах красноармейцы встретили вооруженных людей, одетых в английское обмундирование, которые называли себя партизанами КАЧ. Это и была группа войск Центрального фронта Красной армии Черноморья, ушедшая не так давно на Майкоп.

Разыскав командира Центрального фронта КАЧ Черникова, командование 34-й стрелковой дивизии предложило ему с отрядом присоединиться к 306-му полку в качестве третьего батальона. Однако Черников отказался и увел своих ополченцев в горы, начав там партизанскую войну против Рабоче-крестьянской Красной армии. Через полтора месяца командующий фронтом был пойман и по решению ревтрибунала расстрелян, а его солдаты перебрались в Грузинскую демократическую республику и снова поступили в распоряжение Н.В. Вороновича [62].

Что же вызвало антисоветское выступлению Черникова? Судить сегодня сложно. Но наиболее реальным представляется отказ командира бывших ополченцев служить в РККА, скорее всего, по политическим мотивам. Этот вывод подтверждают события на Гойтхском перевале, т.к. командирам КАЧ было известно о том, что главком КО ездил на переговоры с генералом Деникиным о заключении с ним мира. Отсюда Черников мог предположить, что разгром Кубанской казачьей армии, переименованной в войска Кавказского побережья, как анти-советской, выгоден лишь Красной Армии. Помимо этого, Черников постоянно поддерживал связь с Вороновичем и вполне возможно, что

именно Воронович и приказал сопротивления кубанцам не оказывать.

Тем не менее, антисоветское выступление Черникова явилось одной из причин расформирования КАЧ и ее РВС. Просуществовав всего 19 дней — с 11 по 30 марта 1920 г., части армии были влиты в Черноморский фронт РККА [63].

В последнем приказе по КАЧ от 30 марта 1920 г. говорилось:

«1) Закончив освобождение Черноморья от “добровольцев” и соединившись с IX Красной армией Советской России, по предложению Реввоенсовета Кавказского фронта части Красной армии Черноморья вливаются в состав IX армии, для чего приказываю: 1-й, 2-й, 3-й, 5-й, 7-й и 8-й батальоны, 2-я горная батарея, 1-я полевая батарея, а также все штабы и учреждения, и команды, находящиеся на Приморском фронте — Новороссийское направление, передаются в распоряжение начдива 22 IX армии. Комчерфронтом тов. Моренец, по сдаче штаба и частей, поступить в распоряжение командарма IX.

2) 4-й, 6-й, 12-й, 14-й (батальоны), 1-я конно-горная батарея, команды, нестроевые команды тяжелой полевой тракторной и тракторной ломбордной батарей, нестроевые команды и учреждения переходят в распоряжение начдива 50 IX армии» [64].

Предчувствуя скорое вторжение в Сочинский округ войск Кубанской армии, председатель КОЧГ В.Н. Самарин-Филипповский 30 марта 1920 г. созвал совещание в Гаграх. На совещании присутствовали: В.Н. Самарин-Филипповский и член Главного штаба Крестьянского ополчения Л.Ф. Москвичев, с одной стороны, член Кубанского краевого правительства Иванис и товарищ председателя Верховного круга Дона, Кубани и Терека Мамонов — с другой, в присутствии представителя Грузинского правительства, товарища председателя Главного штаба Народной гвардии Грузинской демократической республики Д. Сагирашвили [65].

На совещании были достигнуты следующие соглашения:

Войска Кубанского краевого правительства, вошедшие на территорию Черноморской губернии, не должны вмешиваться во внутреннюю жизнь края; все самоуправления крестьян и рабочих остаются неприкосновенными; население Черноморской губернии кубанской краевой властью не может быть мобилизовано для борьбы с советской властью; крестьяне и рабочие Черноморья не разоружаются и свободно расходятся по домам; крестьяне и рабочие сохраняют право созыва крестьянско-рабочего съезда для установления отношений с Кубанской краевой властью и для создания своей местной власти; расквартирование войск и все сношения с местным населением происходят через посредство местных органов самоуправления крестьян и рабочих [66]. Таким образом, заметны, как стремление сохранить автоно-

мию Черноморской губернии и самостоятельность властных структур КОЧГ, так и тенденция к сохранению надпартийного характера системы управления.

Соглашение было подписано всеми представителями совещания. Таким образом, складывалось впечатление, что автономии округа ничего не угрожает, между тем, это мнение, разделяемое Самариным-Филипповским, являлось ошибочным.

В конце марта на границе Сочинского и Туапсинского округов между передовыми частями Кубанской армии, теснимыми с тыла большевиками и частями Крестьянского ополчения, произошло боевое столкновение. Ввиду абсолютного превосходства казаков ополченцы были вынуждены отступить, и уже в первых числах апреля ими был оставлен без боя г. Сочи. 4 апреля в Хосту вошли Терская казачья бригада и Волчий ударный имени генерала Шкуро батальон, который в некоторых документах называют «волчьим полком».

В состав войск Кубанской армии, вторгшихся на территорию Сочинского округа, входили: 1-й и 2-й Кубанские конные корпуса, содержащие по 2 казачьи дивизии, 4-й Донской казачий корпус и Черкесская дивизия, общая численность войск составляла около 40 тыс. штыков и сабель. В их составе находились еще около 30 тыс. человек — беженцев [67]. На вооружении казачьих частей находилось около 30 артиллерийских орудий [68] и 2 бронепоезда, один из которых назывался «Вперед за Родину!» [69]. Он принял участие в первом столкновении с Крестьянским ополчением на границе округа. Войдя на территорию округа без согласования, Кубанская армия натолкнулась на слабые заслоны Крестьянского ополчения. Осознав, что мирных переговоров не предвидится, Н.В. Воронович призвал местное население в КО, быстро пополнив ряды обороняющихся. В ходе мобилизации в районные штабы явилось около 1,5 тыс. ополченцев, но из-за недостатка оружия более 600 из них были распущены по домам [70].

Однако, ни сам Шкуро, ни его окружение в столкновении на границе не видели ничего предосудительного. Так, например, в разговоре по прямому проводу между генералом Шкуро и членом Кубанского правительства Иванисом генерал 2 апреля сетовал: «Местные власти все из Сочи бежали, несмотря на мои заверения об их безопасности. Очень много из имущества и интендантских складов они успели отсюда увезти, но немного муки и ячменя нам осталось» [71].

Оценивая сложившуюся обстановку, необходимо отметить, что Н.В. Воронович принял единственно верное решение в данных условиях — согласился на переговоры с казаками. Остаться в городе он не мог. Это было бы равносильно признанию казаков своими союзниками и соответственно врагами наступающей РККА. Сдержать наступающие на округ части Воронович также не мог, для этого не было

достаточных сил. В такой ситуации оставалось одно — уходить в горы и оттуда осуществлять налеты на казаков, чем заслужить лояльность большевиков и попытаться продолжить свое крестьянское самоуправление.

К началу боевых действий части КО в округе располагались следующим образом: Аибгинский, Краснополянский, Медовеевский и Молдовский отряды находились вдоль границы с Грузинской демократической республикой; Лазаревский и Третьеротинский (Волковский) находились на отдыхе и охраняли побережье моря в районе Лазаревской; Воронцово-Хостинский и Каштановский отряды охраняли горные тропы и перевалы на границе с Кубанской областью; Измайловский и Раздольский отряды отдыхали в своих селениях [72]. С началом столкновений все они приняли участие в боевых действиях с Кубанской армией.

Сплошного фронта против казаков Крестьянское ополчение не держало, выставив только на горных дорогах небольшие заставы, чтобы не допустить казаков в горные села. В наиболее угрожаемых местах штаб сосредоточил отряды по 50—60 ополченцев с пулеметами. Остальные ополченцы находились в своих деревнях, составляя резерв, готовый в любой момент прийти на помощь тому или другому отдельному отряду [73].

Когда же в середине апреля казаки, гонимые голодом, стали усиленно пробиваться в горы, то ополченцы дали решительный отпор. Так, например, на реке Аше казаков встретил сильным огнем партизанский отряд под командованием Кашкина. В районе Катковой дачи в бой вступили сразу три партизанских отряда: Измайловский, Раздольненский и Воронцовско-Хостинский [74]. 26 апреля высланные за продуктами в деревню Ермоловское полторы сотни 13-й бригады 4-го Донского конного корпуса были обстреляны ружейным огнем зеленоармейцев [75].

В действиях Крестьянского ополчения сочетались тактические приемы партизанской борьбы и элементы действий регулярных военных частей.

В разгар боевых действий президиум КОЧГ осуществил еще один внешнеполитический акт, выступив с обвинительным протестом политике белогвардейцев, обращенным ко всем народам, правительствам государственных образований, создавшихся на территории России, а также демократиям Европы. В протесте зеленые линчевали белогвардейцев за созданную ими чрезвычайную обстановку на Черноморье, за голод, за вторжение. Зеленые призывали все демократические страны мира помочь в борьбе с диктатурой меньшинства над большинством населения. Конечно же, протест в это время уже был несвоевременным и лишь очевидней обозначал паралич внешней по-

литики КОЧГ.

На проведение белыми варварской по отношению к населению политики крестьяне ответили организованным партизанским сопротивлением [76]. В перерывах между боями были применены и миротворческие мероприятия, руководство которыми возложил на себя Н.В. Воронович, появляясь в местах боевых действий с предложением капитуляции.

Около трех недель Воронцово-Хостинский отряд дрался с остатками Назаровского и Баклановского полков в районе Хоста—Навалишино—Воронцовка. Общее руководство операцией здесь осуществлял П.П. Блохнин. Предчувствуя близкий конец сопротивления белогвардейцев, он спешно создал пулеметную команду из двух станковых пулеметов «Максим». Руководство пулеметной командой он возложил на бывшего пулеметчика царской армии И.М. Барибана [77]. Образовав полукольцо, ополченцы прижали казаков к Белым Скалам и заставили их сложить оружие.

В тот же период в ходе партизанского налета были захвачены в плен полковник Богаевский [78] и три донских казака. Всех их зеленоармейцы отпустили, снабдив воззванием к капитуляции. Спустя трое суток ополченцам сдался казачий полк — 150 бойцов, однако столь многочисленный контингент трудно было обеспечивать продовольствием в плену, поэтому зеленые снабдили их продуктами, несколькими винтовками и, дав 8 лошадей, отпустили на родину [79].

Начальник 34-й дивизии Рабоче-крестьянской Красной армии П.В. Егоров, получив в свое подчинение бригаду из 50-й дивизии, направил 304-й полк в ночь на 15 апреля в обход через с. Божьи Воды в тыл к противнику для прорыва обороны белогвардейцев на р. Аше, а силами 3-й бригады, сводного полка 2-й бригады и артиллерии дивизии ударил с фронта. Ему удалось успешно провести эту, довольно сложную даже с точки зрения тактики регулярной армии, операцию.

34-й дивизии РККА приходилось действовать против арьергарда войск Кавказского побережья, которым командовал генерал Морозов. Получив 2-ю бригаду 50-й дивизии, начдив Егоров все войска свел в две колонны — правую и левую. Во главе правой колонны в составе 2-й бригады 50-й дивизии с дивизионной артиллерией был поставлен комбриг Петров, не имевший достаточного боевого опыта, во главе левой колонны в составе всех полков 34-й дивизии, вошедших в 3-ю бригаду, был назначен бывший начальник штаба Крестьянского ополчения и Красной армии Черноморья В.В. Фавицкий. Командарм Василенко одобрил план боевых действий начдива Егорова и влил в 3-ю дивизию всю 50-ю дивизию.

К 23 апреля правая колонна заняла Головинские высоты и выбила белогвардейцев с правой линии обороны на р. Шахе. Но на

93-м километре около небольшой р. Хожилу она попала под обстрел, натолкнувшись на артиллерийский огонь английского миноносца. Необходимо отметить, что войска генерала Шкуро поддерживались не только военно-морским флотом, но и гидропланами-бомбардировщиками Великобритании. Так, например, английские гидропланы поддерживали бомбометанием оборону генерала Морозова на р. Шахе [80]. По неопытности Петров бросил в лобовую атаку всю правую колонну, которая понесла большие потери и отступила на 10 км. Начальник дивизии Егоров ввел в бой дивизионный резерв и восстановил утраченные позиции [81].

Тем временем, взаимодействуя с партизанскими отрядами Крестьянского ополчения, левая колонна большевиков с боями к 16 часам 24 апреля дошла до села Воздвиженского, которое расположено в верховьях реки Дагомыс. Военные действия, осуществляемые регулярными частями РККА, были менее удачными, нежели операции Крестьянского ополчения.

Широко маневрируя в полосе своего наступления, правая колонна к вечеру 26 апреля вступила в село Лоо. В последующие два дня она вытеснила противника за р. Дагомыс, где белогвардейцы закрепились на предгорных высотах. Части РККА попытались выбить их и оттуда, но потерпели неудачу и сами отступили назад в Лоо. Неудача постигла и левую колонну РККА, которая дошла до с. Пластунского, но слишком обнажила свой левый фланг и тыл. В результате она вынуждена была отступить на линию Дагомыса [82].

Тем не менее, в середине второй декады апреля четко обозначился кризис войск Кавказского побережья, для преодоления которого у генерала Шкуро уже не было ни средств, ни времени. Участь войск Кавказского побережья была предрешена.

Тем временем на помощь правой колонне начдив 34-й Егоров выделил из своего резерва стрелковый полк. На рассвете 28 апреля обе колонны перешли в наступление. К вечеру правая колонна очистила Дагомыс, а в ночь на 29 апреля под руководством самого начдива она успешно атаковала белогвардейцев вдоль железной дороги, и, не давая им опомниться и укрепиться на Мамайском перевале, развернула наступление на Сочи.

В результате наступления большевиков арьергардные части генерала Морозова, а именно. части пластунцев, 2-я и 4-я казачьи дивизии были окружены в районе Дагомыса и Мамайки. Для спасения положения генерал Морозов был вынужден ввести в бой резервный полк 2-го Кубанского корпуса [83].

К этому времени левая колонна большевиков во главе с комбригом В.В. Фавицким блестяще завершила ночной обход противника, внезапным ударом заняла село Пластунское и с севера обрушилась на

белогвардейские части, находящиеся в городе Сочи.

К рассвету 29 апреля правая колонна вдоль шоссе подошла к «Кавказской Ривьере». Не обращая внимания на артиллерийский огонь белогвардейцев, в 6 часов утра красноармейцы перешли в атаку. Разгорелся ожесточенный бой. Сочи обороняли следующие части белогвардейцев: корниловцы, Сводно-Кубанский, 1-й и 3-й Уманские полки. Командование арьергардной группировкой осуществлял генерал Морозов. Развязку ускорил удар левой колонны с севера по правому флангу белогвардейцев. Казаки поспешно начали отступление на Адлер. В 7 часов 20 минут генерал Морозов телеграфировал из Сочи начальнику штаба войск полковнику Дрейлингу: «...Красные накапливаются постепенно вдоль шоссе к Ривьере, обстреливаемые нашей артиллерией и ружейным огнем. Нет сведений от 4-й дивизии, Лабинском и Учебном полках, отрезанных ночной атакой красных от Сочинского шоссе» [84].

После ожесточенных боев к 11 часам 29 апреля 34-я дивизия РККА полностью очистила Сочи от белогвардейцев, захватив на железнодорожном вокзале 2 бронепоезда и 5 подвижных составов с паровозами [85]. Железная дорога была построена и функционировала лишь до Хосты, т.е., еще на несколько километров от Сочи в сторону Грузинской границы. Таким образом, участь бронепоездов и эшелонов была предрешена: их все равно пришлось бы бросить при дальнейшем отступлении.

Советская администрация после регистрации пленных опубликовала данные, в которых отмечала, что в плен сдались 373 офицера в чине от капитана до генерала, 858 офицеров в чине до штабс-капитана, 9977 унтер-офицеров, 4779 пехотинцев, 16 353 кавалериста, 1745 артиллеристов [86] и т.п. Всего было зарегистрировано 34 337 человек. Помимо регистрации, как полагают, одиночным порядком и вдоль берега прошло около 10 тыс. человек. Среди трофеев оказалось 19 176 лошадей, 630 подвод, 30 орудий, 218 пулеметов, 9828 винтовок, 591 снаряд, 274 310 патронов и другое вооружение [87].

Газета «Красное знамя» сообщила следующие подробности сдачи белогвардейцев: «Перед сдачей было проведено несколько митингов, на которых казаки бросали оружие, кричали “ура”, заявляя, что лучше сдаться своим, чем Грузии... Сдалось всего нам 54 тысячи человек и 27 тыс. лошадей. Комиссия подводит итоги колоссальных трофеев» [88].

В двух советских газетах имеются разночтения в количестве пленных, на наш взгляд, 54 тыс. пленных — это техническая опечатка.

Тем не менее, по мнению В.Е. Шамбарова, из 37 тыс. казаков 12 тыс. погрузились на прибывшие 3 мая из Крыма суда и отбыли к генералу Врангелю. Разница в количестве пленных произошла ввиду присоединения к военным гражданских лиц [89].

Однако, ни все части отбыли в Крым или сдались большевикам. Несколько подразделений с оружием направились через горные перевалы на Кубань, часть из них была пленена в горах. Так, газета «Красное знамя» от 8 мая 1920 г. сообщала, что в верховьях р. Лабы советскими войсками захвачен один из отрядов, численностью в 50 офицеров и 150 солдат [90].

Спустя несколько дней, многотысячная белогвардейская армия в виде колонн военнопленных проследовала через горные перевалы на Кубань. Однако, период мирного времени для значительной части казаков так и не начался. Это произошло по той причине, что, столкнувшись с политикой военного коммунизма, бывшие чины войск Кавказского побережья значительно пополнили кубанское бело-зеленое движение [91].

Подводя итоги, приходится констатировать, что в советской историографии значение капитуляции Кубанской армии на территории Сочинского округа в начале мая 1920 г. чрезмерно преувеличивалось. Необходимо отметить, что на территории Черноморья капитулировали в большинстве своем части, разоруженные самими же белогвардейцами за две недели до описываемых событий. Это — весьма значимая подробность в понимании того, каким образом группировка большевиков и зеленоармейцев, во много раз уступающая по численности, смогла добиться успеха в боях с таким сильным противником, как казаки. Боевое мастерство казачества не нуждается в комментариях, однако у казаков помимо врагов внешних, были и внутренние трудности. Командующий 4-м Донским конным корпусом генерал-лейтенант Стариков в приказе от 12 апреля 1920 г. (дата по новому стилю) указывал на них: «...Теперь самым страшным противником явились голод, утрата дисциплины и порядка в частях».

В середине мая Комитет освобождения покинул свой штаб в горном селении Миге, планируя достичь соглашения с Советами. Стоящие во главе его эсеры полагали, что советское командование оставит Сочинский округ в их руках и позволит продолжить формирование ополчения и автономного самоуправления. Однако, Самарин-Филипповский спустя несколько дней был арестован [92]. Часть ополченцев призывного возраста по мобилизации была направлена в Рабоче-крестьянскую Красную армию, их зачислили красноармейцами в 3-й сочинский полк 31-й стрелковой дивизии 9-й Кубанской армии. Ополченцы старших возрастов были распущены по домам, причем ополченцам горных селений разрешили взять с собой винтовки.

С приходом советской власти на территорию Сочинского округа гонениям были подвержены все сторонники и активисты КОЧГ и созданного этим органом ополчения. Многие делегаты рабоче-крестьянского съезда, прошедшего в феврале, были арестованы и по-

сажены в тюрьму. Местное население выступило с инициативой об освобождении бывших делегатов, как правило, лиц, пользующихся поддержкой населения, из-под ареста на поруки всего сочинского крестьянства. Однако, ходокам, прибывшим в Сочинский особый отдел, в этой просьбе было отказано. Печальная участь постигла командиров хостинских и кудепстинских отрядов КО Блохнина и Верхоярного, арестованных, а позднее расстрелянных в г. Екатеринодаре. Также были арестованы и расстреляны другие военспецы ополчения Рощенко и Скобелев [93].

Оценив сложившуюся обстановку, крестьяне Хостинского, Адлерского и Ахштырского районов, традиционно поддерживающие КОЧГ, 17 июня собрали уполномоченных своих сельских сходов, которые и вынесли нелицеприятные для большевиков решения:

«Из приказов новой власти мы усмотрели, что нас, крестьян, хотят поставить в такое же положение, в каком мы находились при Деникине.

Вместо обещанного хлеба у нас, разоренных деникинцами и шкуровцами, хотят отобрать последнее добро, которое у нас еще уцелело.

Наше Крестьянское ополчение снова, как и при Деникине, называют бандой, обезоруживают и заставляют обратно уходить в горы.

Все вышеуказанное мы не можем называть иначе, как насилием коммунистической партии большевиков. И мы постановили обо всех их поступках и притеснениях довести до всеобщего сведения, чтобы все те люди, которые им до сего времени доверяют, знали, что Советская власть большевиков для нас, трудовых крестьян, совершенно не подходит, и мы так же точно желаем избавиться от нее, как избавиться от кадетов» [94].

Этот протокол совершенно недвусмысленно свидетельствует о настроениях большинства крестьян Причерноморья, которых более всего устраивала программа партии эсеров и начавшая складываться местная автономия.

Бежавшие в горы уцелевшие члены КОЧГ вновь начали формировать районные повстанческие штабы под командованием эсеров и офицерства. Отряды пополнились и бежавшими от советской мобилизации ополченцами, которые спешно сносили в горы оружие и боеприпасы. Для координации своей деятельности ополченцы провели в горах съезд представителей от всех сел округа, на котором вынесли постановление о связи с кубанскими эсерами и меньшевиками, чтобы общими усилиями начать антибольшевистское восстание в краевом масштабе, а, прежде всего, в Сочинском округе, Майкопском и Баталпашинском отделах [95].

Необходимо отметить и судьбу военспецов Крестьянского ополчения. Согласно собранным нами данным, в КО насчитывалось 18 во-

енспецов, из которых были расстреляны органами советской власти 6 — Черников, Рощенко, Скобелев, Блохнин, Верхоярный, Найда. Военспец Васильев по случайности был убит в бою партизанами, Михлин погиб в бою с белогвардейцами, 5 перешли в Рабоче-крестьянскую Красную армию: Шевцов, Томашевский, Казанский, Фавицкий и Саблин, 3 ушли в Грузинскую демократическую республику — Дзидзигури, Гвасалия-Гурули, Радзевич, а Воронович и Учадзе эмигрировали в Европу.

Перебежавшие на сторону большевиков пятеро военспецов КО впоследствии заявляли, что выполняли особое задание партии, заключающееся в том, чтобы внедриться в КОЧГ и разрушить его структуры изнутри, что вряд ли соответствует действительности.

В 1960 г. И.Б. Шевцов издал свои мемуары под названием «Особое задание» [96], в котором отмечал, что Кавказским краевым комитетом партии (большевиков) ему с группой товарищей, куда входили Томашевский, Казанский, Фавицкий, было дано задание внедриться в руководящий состав Комитета освобождения и перетянуть на сторону Рабоче-крестьянской Красной армии зеленоармейские части Крестьянского ополчения. Сразу после опубликования этих мемуаров среди историков и ветеранов Гражданской войны началась полемика, и дело дошло до Института марксизма-ленинизма. Ветеранами был поставлен под сомнение факт «особого задания» Шевцова и другие сообщаемые им сведения.

Приведем лишь несколько документов, находящихся в государственном архиве г. Сочи. Прежде всего, отметим отзыв Я. Сидорова на книгу т. Шевцова «Особое задание»: «...Казанский был начальником школы красных командиров (офицеров) Владикавказского гарнизона, начальником которого являлся я. В 1919 году Казанский недели две сидел в Метехском замке в Грузии, из которого загадочно был быстро освобожден.

В феврале месяце 1919 года при отступлении из Владикавказа мы четверо: С.И. Кавтарадзе, К. Цинцадзе, Гахокия и я были арестованы грузинской охранкой и отвезены в особый отдел, а затем в Метехский замок. Летом 1919 года, в каком месяце, точно не помню, к нам подкинули Казанского, он был в грязной рубашке. С появлением в нашей камере Казанского мы насторожились, так как мы в тюрьме кое-что слышали о нем не совсем приятное. ...Казанскому я передал свое теплое пальто, так как я был арестован зимой и был тепло одет, но каково же было наше удивление, когда в скорости мне возвратил пальто надзиратель тюрьмы, заявляя, что Казанский освобожден, и немного прошло времени после освобождения из тюрьмы Казанского, как мы узнали, что он на Черноморском побережье у зеленых.

В конце 1959 г. или же в начале 1960 г. в Москву приехал Тома-

шевский, с которым у меня состоялась встреча на квартире жены Назаретяна. Мы поговорили о старом прошлом, и был затронут вопрос о Казанском. Томашевский подтвердил, что жена Казанского Черкасова держала связь с особым отделом грузинской охраны. Весь этот разношерстный состав людей, оказывается, выполнял “особое задание” несуществующего Кавказского краевого комитета, злоупотребляя авторитетом нашей партии. 12.11.1962 г. Сидоров».

Разумеется, в настоящее время трудно окончательно судить о том, кто прав и кто виноват. Отметим лишь, что свидетельства очевидца характеризуют Казанского скорее как провокатора, связанного с грузинской разведкой.

Приведем еще один документ, на этот раз имеющий отношение к Шевцову: (письмо Кавтарадзе к К.К. Красильниковой): «Упомянутый Вами Шевцов мне неизвестен. Верно, что я в 1918, 1919 и до мая 1920 г. сидел в тюрьме, но я и мои товарищи по заключению имели связь с партийной организацией и были в курсе дела. Ваши соображения насчет того, что такому “винегрету” (анархист, эсер, бывший меньшевик) ни в коем случае наша руководящая партийная организация такого конспиративного дела поручить не могла, совершенно правильно. Это не подлежит абсолютно никакому сомнению. Кроме того, что за задание — взорвать какой-то эсеровский КОЧ... Это — нелепость... Было другое, о чем, видимо, Шевцов слышал одним ухом. Группа наших товарищей (испытанных и боевых членов партии) с согласия Москвы должна была проникнуть в тыл Деникина и действительно изнутри взорвать штаб его армии. Со мной сидел арестованный по подозрению в большевизме, но не как участник этого конспиративного плана, товарищ, который должен был проникнуть в штаб и взорвать их. Это дело не вышло, и оно было сдано в “архив” невыполненных по объективным причинам заданий. В этом деле, которое мне было хорошо известно, никакого Шевцова не фигурировало... Вы правильно говорите, что с 1919 г. Кавказского комитета не было. Он фактически перестал существовать, все были арестованы или расстреляны (Шаумян, Ал. Джапаридзе). Было создано бюро Кавказского краевого комитета, куда был введен и Назаретян. Едва ли Назаретян мог знать о таких делах. Он собственной тени боялся. ...Словом, Шевцов — сомнительная фигура».

Невысокого мнения о перешедших к большевикам командирах КО был и сам Главком Крестьянского ополчения Н.В. Воронович. Процитированные документы убеждают нас, что люди, сменившие службу в КО на РККА, не были посланы большевиками с особыми заданиями, они попросту выбирали наиболее безопасную для себя службу, т.к. понимали, что после прихода большевиков все, кто связан с КОЧГ, подвергнутся репрессиям. Нельзя забывать, что Казанский

ранее служил у большевиков и был начальником школы красных командиров, т.е. с методами, которыми большевики расправлялись с оппозицией, был знаком.

Подводя итоги, необходимо отметить, что главной движущей силой Крестьянского ополчения стало крестьянство, находящееся под влиянием эсеров. Пиком крестьянского движения в Сочинском округе можно считать январское восстание 1920 г., в ходе которого крестьяне захватили округ у белогвардейцев и образовали крестьянское самоуправление. В период с февраля по апрель 1920 г. выражающий настроения большинства крестьянства политический орган КОЧГ организовал подобие финансовой системы, начал проводить в жизнь определенную внутреннюю и внешнюю политику. Материалами источников подтверждается ситуация экономической стабильности в регионе Причерноморья во время руководства КОЧГ, несмотря на то, что созидательной деятельностью этот орган не мог заниматься постоянно в условиях Гражданской войны.

Высшим органом власти стал крестьянский съезд. Вооруженные силы КО были реорганизованы по типу армейских частей и сведены в батальоны. Таким образом, за короткий промежуток времени на территории округа было образовано относительно централизованное малое крестьянское государство.

Продолжая освобождение от белогвардейцев территории Черноморской губернии, части КО вступили в Туапсе, где позиции большевиков являлись достаточно прочными. Будучи демократами, эсеры и меньшевики КОЧГ решили не преследовать большевиков в Туапсинском округе. Воспользовавшись этим, а также приездом представителей власти Советов, большевики активизировали свою деятельность. В результате части КО были объединены с партизанскими отрядами Новороссийского и Туапсинского округов. Несмотря на то, что общее командование продолжали осуществлять военспецы КОЧГ, Крестьянское ополчение, переименованное в Красную армию Черноморья, перестало быть однородным крестьянским формированием, в свою очередь КАЧ стала ориентироваться на позиции руководства Красной армии. За КОЧГ по существу остался лишь Сочинский округ. В апреле на территорию округа вторглась Кубанская казачья армия генерала Морозова, отступающая под ударами Рабоче-крестьянской Красной армии. Именно на плечах кубанцев и ворвались большевики в округ, несмотря на сопротивление партизанских отрядов. Крестьяне, которые в одинаковой степени не желали признавать как режим белых, так и режим красных, вновь приступили к партизанским действиям.

Причинами поражения КОЧГ в Сочинском округе можно считать ряд факторов. Самой главной предпосылкой является некоторая политическая близорукость эсеров, проявившаяся в чрезмерной доверчиво-

сти по отношению к большевикам, которых они склонны были рассматривать своими естественными союзниками. Решение о передаче КАЧ тяжелых вооружений, захваченных в Сочинском округе у белогвардейцев, и намерение организовать совместные эсеровско-меньшевицско-большевицские Советы отличались непродуманностью и некомпетентностью в оценке реалий конкретной ситуации. Отрицательную роль сыграли и военно-тактические просчеты, в частности, отсутствие регулярных войск КО (3 батальона под командованием Черникова) на территории округа в период вторжения Кубанской армии.

Примечания:

1. Подробнее о деятельности Комитета освобождения см: Черкасов А.А. Крестьянское движение на Черноморье в период революции и гражданской войны. Краснодар, 2003; Черкасов А.А. Деятельность Комитета освобождения Черноморской губернии (1 декабря 1919 — середина мая 1920 г.). Краснодар, 2003; Черкасов А.А. Гражданская война в России: образование Комитета освобождения Черноморской губернии и его вооруженных сил (1919–1920 гг.) // Научный журнал Власть и общество (история, теория, практика). 2011. № 1. С. 50–62; Черкасов А.А. Комитет освобождения Черноморской губернии (1 декабря 1919 – середина мая 1920 г.) (Продолжение) // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 3. С. 88–95; Черкасов А.А. К вопросу об истории бело-зеленого движения на Черноморье в 1920–1922 гг. // История и историки в контексте времени. 2003. № 1. С. 43–58.
2. Крестьянская Черноморская газета. (Б. м.). 1920. 6 февр.; АОАГС. Ф. Р-282. Оп. 1. Д. 85. Л. 76.
3. АОАГС. Ф. Р-282. Оп. 1. Д. 7. Л. 47.
4. Крестьянская Черноморская газета. 1920. 6 февр.
5. Киров С.М. Статьи. Речи. Документы. М., 1936. Т. 1. С. 152.
6. АОАГС. Ф. Р-282. Оп. 2. Д. 85. Л. 78–79.
7. Там же. Л. 25.
8. Воронович Н.В. Потонувший мир. Очерки прошлого 1891–1920. М., 2001. С. 301.
9. Группа численностью в 13 чел. (АОАГС. Ф. Р-282. Оп. 2. Д. 85. Л. 78).
10. Воронович Н.В. Меж двух огней. М., 1991. С. 326–327.
11. ЦДНИКК. Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 782. Л. 6.
12. Воронович Н.В. Указ. соч. С. 303.
13. АОАГС. Ф. Р-282. Оп. 2. Д. 85. Л. 78–79.
14. Воронович Н.В. Потонувший мир. Очерки прошлого 1891–1920. М., 2001. С. 305.
15. Черкасов А.А. Крестьянское движение на Черноморье в период революции и Гражданской войны. Краснодар, 2003. С. 176.
16. Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 115.
17. АОАГС. Ф. Р-282. Оп. 1. Д. 7. Л. 50.
18. АОАГН. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 8. Л. 24.
19. Шевцов И. Особое задание // Молодая гвардия. 1958. № 2. С. 174–175.
20. Зверев К. Адлер: Историко-географический очерк. Краснодар, 1973.

С. 34.

21. Красильникова К.К. Партизанское движение на Кубани и Черноморье. Краснодар, 1957. С. 73.

22. Хосту захватили части П.П. Блохнина (Заря Черноморья (Сочи). 1920. 25 марта).

23. Козлов А.И. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов (1917—1920 гг.). Ростов н/Д, 1972. С. 129.

24. Воронович Н.В. Потонувший мир. Очерки прошлого 1891—1920. М., 2001. С. 309.

25. АОАГН. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 8. Л. 25.

26. Воронович Н.В. Указ соч. С. 311.

27. Бюллетень Комитета освобождения Черноморской губернии (Сочи). 1920. 15 февр.

28. Воронович Н.В. Потонувший мир. Очерки прошлого 1891—1920. М., 2001. С. 330.

29. Бюллетень Комитета освобождения Черноморской губернии (Сочи). 1920. 25 февр.

30. Воронович Н.В. Указ. соч. С. 331.

31. Бюллетень Комитета освобождения Черноморской губернии (Сочи). 1920. 19 февр.

32. Там же. 15 февр.

33. Козлов А.И. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов (1917—1920 гг.). Ростов н/Д, 1972. С. 130.

34. Воронович Н.В. Потонувший мир. Очерки прошлого 1891—1920. М., 2001. С. 332.

35. Шевцов И.Б. Особое задание. М., 1965. С. 51; Известия ВЦИК. 1920. 3 марта.

36. АОАГС. Ф. Р-282. Оп. 1. Д. 7. Л. 61.

37. НГИМЗ. Ф. 3. Д. 11б. НА — 309. Л. 45.

38. РГВА. Ф. 242. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.

39. Козлов А.И. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов (1917—1920 гг.). Ростов н/Д, 1972. С. 140.

40. Заря Черноморья (Сочи). 1920. 11 марта.

41. Там же. 14 марта.

42. РГВА. Ф. 242. Оп. 1. Д. 1. Л. 62об.

43. Приказ командующего Черноморским фронтом РККА / Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917—1920 гг.: Сб. док. и матер. Краснодар, 1957. С. 383.

44. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 71. Л. 3.

45. Заря Черноморья (Сочи). 1920. 21 марта.

46. АОАГН. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 522. Л. 11.

47. РГВА. Ф. 242. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

48. Заря Черноморья (Сочи). 1920. 23 марта.

49. Там же. 25 марта.

50. Заря Черноморья (Сочи). 1920. 28 марта.

51. Там же. 28 марта.

52. Там же. 24 марта.

53. НГИМЗ. Ф. 3. Д. 11 б. НА — 309. Л. 46.

54. Заря Черноморья (Сочи). 1920. 28 марта.
55. Там же. 28 марта.
56. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 71. Л. 30б.
57. РГВА. Ф. 242. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.
58. Воронович Н.В. Потонувший мир. Очерки прошлого 1891—1920. С. 342.
59. АОАГС. Ф. Р-282. Оп. 1. Д. 105. Л. 15.
60. Там же. Д. 7. Л. 61.
61. Шевцов И.Б. Особое задание. М., 1965. С. 128.
62. Дзидзария Г. Очерки истории Абхазии. Тбилиси, 1963. С. 334—336.
63. АОАГС. Ф. Р-282. Оп. 1. Д. 7. Л. 63.
64. ГАКК. Ф. Р-411. Д. 299. Л. 102.
65. Воронович Н.В. Меж двух огней // Архив русской революции: В 22 т. Т. 7—8. М., 1991. С. 330.
66. Там же.
67. Британов. Борьба за советскую власть в Сочи // Октябрь на Кубани и Черноморье. Краснодар, 1924. С. 94.
68. Красная правда (Сочи). 1920. 14 мая.
69. РГВА. Ф. 39748. Оп. 1. Д. 1. Л. 64.
70. Воронович Н.В. Потонувший мир. Очерки прошлого 1891—1920. М., 2001. С. 351.
71. РГВА. Ф. 39748. Оп. 1. Д. 1. Л. 39.
72. АОАГС. Ф. Р-282. Оп. 2. Д. 90. Л. 20.
73. Воронович Н.В. Потонувший мир. Очерки прошлого 1891—1920. М., 2001. С. 371.
74. АОАГС. Ф. Р-282. Оп. 1. Д. 7. Л. 64.
75. РГВА. Ф. 39748. Оп. 1. Д. 1. Л. 136.
76. РГВА. Ф. 39748. Оп. 1. Д. 1. Л. 8—9.
77. АОАГС. Ф. Р-282. Оп. 1. Д. 149. Л. 35.
78. РГВА. Ф. 39748. Оп. 1. Д. 1. Л. 211.
79. Британов. Борьба за Советскую власть в Сочи // Октябрь на Кубани и Черноморье. Краснодар, 1924. С. 94.
80. РГВА. Ф. 39748. Оп. 1. Д. 1. Л. 213.
81. Козлов А.И. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов (1917—1920 гг.). Ростов н/Д, 1972. С. 148—149.
82. Там же. С. 149.
83. РГВА. Ф. 39748. Оп. 1. Д. 1. Л. 190об.
84. Там же. Л. 145.
85. Красильникова К.К. Партизанское движение на Кубани и Черноморье. Краснодар, 1957. С. 93.
86. Там же.
87. Красная правда (Сочи). 1920. 14 мая.
88. Красное знамя (Екатеринодар). 1920. 13 мая.
89. Шамбаров В.Е. Белогвардейщина. М., 2002. С. 448.
90. Красное знамя (Екатеринодар). 1920. 8 мая.
91. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 718. Л. 4.
92. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 782. Л. 10.
93. АОАГС. Ф. Р-282. Оп. 2. Д. 85. Л. 83.

94. Воронович Н.В. Меж двух огней. М., 1991. С. 334.

95. ЦДНИКК. Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 782. Л. 10.

96. Мемуары «Особое задание» выходили дважды в 1960 и 1965 гг., первое издание практически полностью было изъято из библиотек.

UDC 93

PEASANT MILITIA OF BLACK SEA PROVINCE LIBERATION
COMMITTEE (1919–1920): ESTABLISHMENT AND WARFARE

Alexander A. Cherkasov

Doctor of History,

Professor, Head of Russian History Department

Sochi State University

26a Sovetskaya Str., Sochi city, 354000, Krasnodar Region, Russia

E-mail: sochio03@rambler.ru

Anvar M. Mamadaliev

PhD (pedagogy), associate professor

Sochi State University

26a Sovetskaya Str., Sochi city, 354000, Krasnodar Region, Russia

E-mail: anvarm@mail.ru

The article, basing on historiographic and archival materials considers the history of establishment, activities and liquidation of peasant militia of Black Sea Province Liberation Committee – ‘third force’ army in Civil War.

Keywords: peasant militia, Black Sea Province Liberation Committee, Civil War, V.N. Voronovich.